

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ
№ 6 (614)
2011

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАХУХ

Игорь Мадинович,
полковник запаса

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО

Сергей Викторович,
подполковник запаса,
кандидат исторических наук

Научные редакторы

Е. В. ДОБЫЧИНА,

кандидат исторических наук;

В. А. ЕВДОКИМОВ,

подполковник запаса;

В. Т. ИМИНОВ,

генерал-лейтенант

в отставке,

кандидат исторических наук, профессор;

Н. Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник запаса,

кандидат философских наук, старший научный

сотрудник;

С. В. МАНЮКОВ,

полковник запаса;

В. Г. ОППОКОВ,

капитан 1 ранга в отставке;

А. В. ОСТРОВСКИЙ;

Р. И. ПАРФЕНОВ

Секретариат

М. В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного секретаря редакции);

А. Л. БОЧАРОВА;

Е. В. КРИГЕР;

А. А. ПИМЕНОВ,

полковник в отставке;

Ю. В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н. И. ВАХРОМЕЕВА;

А. Н. ГОНЧАРОВА;

А. М. ПЕТРОВ,

полковник запаса

Художественный редактор

И. В. НЕДОСТОЕВА

Заведующая редакцией

М. П. МОИСЕЕВА

Перевод

В. С. СИДОРОВ

Компьютерная вёрстка

А. В. МОЛЧАНОВ;

Д. О. СТАШЕНКОВ

Адрес для переписки:

119160, Москва, Хорошёвское

шоссе, 38 Д, редакция

«Военно-исторического

журнала».

Тел.: (495) 693-57-45,

8-906-751-06-97.

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-

исторического журнала» –

на главной странице сайта

Министерства обороны

РФ www.mil.ru и на сайте

Научной электронной

библиотеки www.elibrary.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А. А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

В. С. ВЫСОЦКИЙ — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)
И. О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Е. Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И. С. ДАНИЛЕНКО — научный сотрудник Военно-научного комитета ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А. А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

С. Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник 6-го направления (руководства архивным делом в ВС РФ) Управления делами МО РФ (Москва)

А. В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

Г. Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В. М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г. А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С. В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н. И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

А. К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

А. А. НОГОВИЦЫН — первый заместитель начальника Объединённого штаба Организации Договора о коллективной безопасности, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А. В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И. А. ПЕРМЯКОВ — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

Ю. А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

К. К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

М. Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А. Н. САХАРОВ — советник Российской академии наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва)

А. Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

В. С. ХРИСТОФОРОВ — начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, генерал-лейтенант, доктор юридических наук (Москва)

А. О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён

в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
«Если бы не ленд-лиз, не оружие, продовольствие, тёплые вещи для армии и другое снабжение, ещё вопрос, как обернулось бы дело...» <i>"If there wouldn't be lend-lease, weapons, food, warm clothes for the army and other supplies, there is a question, what it turned out to be..."</i>	2-я стр. обл.
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
Радиосредства Красной армии в первый год войны (Публикация В.Б. ГРОМОВА) <i>Radio means of the Red Army in the first year of the war (Publication of V.B. GROMOV)</i>	2-я стр. цв. вкл.
ГЕРОИ И ПОДВИГИ	
«История моей фронтовой биографии — несколько коротких дней войны — уже довольно велика...». Первые герои Великой Отечественной <i>"The story of my front biography — a few short days of the war — is already quite large...". The first heroes of the Great Patriotic war</i>	4-я стр. цв. вкл.
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ	
О.А. РЖЕШЕВСКИЙ — «Не дать никакого повода для войны...» <i>O.A. RZHESHEVSKY — "Do not give any reason for the war..."</i>	3
А.В. ОЛЕЙНИКОВ — «Доблестной смертью погибли наши славные батареи...». Вымыслы об августовской операции 1915 года <i>A.V. OLEYNIKOV — "Valiant Death killed our glorious batteries...". Fictions about the August operation of 1915</i>	7
ИСТОРИЯ ВОЙН	
С.В. АВЕРЧЕНКО, А.Ю. ЛАШКОВ — Действия авиации и зенитной артиллерии в ходе Брусиловского прорыва летом 1916 года <i>S.V. AVERCHENKO, A.Yu. LASHKOV — Actions of aviation and antiaircraft artillery during the Brusilov's break in summer of 1916</i>	12
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
А.В. ЛОБАНОВ — Бронированный таран вермахта <i>A.V. LOBANOV — Armoured ram of Wehrmacht</i>	18
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
Э.Л. КОРШУНОВ, А.И. РУПАСОВ — Финские военнопленные о возможностях применения химического оружия <i>E.L. KORSHUNOV, A.I. RUPASOV — Finnish prisoners of war on the possible use of chemical weapons</i>	22
Н.И. РУМЯНЦЕВ — Журналистика в военной шинели <i>N.I. RUMYANTSEV — Journalism in military overcoat</i>	25
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	
А.А. МИХАЙЛОВ, С.О. ФИЛЮК — Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги <i>A.A. MIKHAYLOV, S.O. Filyuk — Reforms of Russian military educational institutions in 1860's. Alternative projects and results</i>	27
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	
Оценка советской военной разведкой международной обстановки во второй половине 1920-х годов (Публикация В.А. АРЦЫБАШЕВА) <i>Assessment of the international situation during the second half of 1920-s by the Soviet military intelligence (Publication of V.A. ARTSYBASHEV)</i>	36
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ	
А.А. ЗДАНОВИЧ — Западный поход НКВД <i>A.A. ZDANOVICH — The western campaign of the NKVD ("People's Commissariat of Internal Affairs")</i>	47
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
Т.В. ЗАХАРОВА — Якутская местная команда в 1918—1919 гг. <i>T.V. ZAKHAROVA — Yakutsk local unit in 1918—1919</i>	54
А.В. ГАНИН — «Опасаясь, что меня, как бывшего царского офицера, будут считать "примазавшимся" к партии...». Партийность бывших офицеров Генерального штаба <i>A.V. GANIN — "I'm afraid that I, as a former tsarist officer, will be considered as "clung" to the Party...". Party affiliation of former officers of the General Staff</i>	59
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
С.Д. САХОНЧИК — «Молниеносный Перун Севера». Истоки историографии полководческой деятельности М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года <i>S.D. SAKHONCHIK — "Lightning Peroun of the North". The origins of the historiography of military leadership of M.I. Kutuzov during the Patriotic War of 1812</i>	63

★ МОЛОДЁЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ★

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ	
Ю.И. ШЕПЕТОВ — Первые дни войны <i>Yu.I. SHEPETOV — The first days of the war</i>	71
ЗАБЫТОЕ ИМЯ	
М.М. ФРОЛОВА — Капитан «полковничьего ранга» А.Н. Чертков <i>M.M. FROLOVA — Captain of "the rank of Colonel" A.N. Chertkov</i>	76
ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
Знаки отличников Красной армии <i>Decorations of the Red Army</i>	4-я стр. обл.

«НЕ ДАТЬ НИКАКОГО ПОВОДА ДЛЯ ВОЙНЫ...»

К 70-летию начала Великой Отечественной войны

Аннотация. В статье говорится о некоторых событиях, связанных с запоздалым приведением в июне 1941 г. в полную боевую готовность войск и сил приграничных военных округов, трагическим началом Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: хозяйственное соглашение СССР с Германией; заявление ТАСС от 13 июня 1941 г.; Архив Дирксена; фашистская агрессия; переговоры СССР с США и Англией в 1939–1941 гг.

Summary. The article concludes with some of the events associated with preparation of troops and forces in the border military districts in late June 1941 for full combat readiness, the tragic outbreak of the Great Patriotic War.

Keywords: economic agreement of the USSR with Germany; TASS statement of June 13, 1941; Dirksen's archive; Nazi aggression; the Soviet Union's negotiation with the United States and Britain in 1939–1941.

Трагическое для Советского Союза начало Великой Отечественной войны до сих пор продолжает оставаться одной из главных дискуссионных тем как в научно-исторической литературе, так и в средствах массовой информации. При этом наряду с серьёзными исследованиями появляется множество домыслов, авторы которых пытаются объяснить неудачи Красной армии всем чем угодно, не утруждая себя поиском их истинных причин. Наш журнал опубликовал немало материалов, так или иначе затрагивающих вопросы о причинах запоздалого приведения войск западных военных округов в полную готовность к отпору агрессору. Из наиболее значительных можно назвать статьи О.А. Ржешевского «Перед великим испытанием» (2006, № 4), А.Н. Сизова «К 70-летию со дня подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года» (2009, № 8) и работу Ф.И. Голикова «Советская военная разведка перед гитлеровским нашествием на СССР», подготовленную к публикации В.А. Арцыбашевым и А.П. Серебряковым (2007, № 12; 2008, № 1). В предлагаемой читателям статье автор обращает внимание на некоторые особенности сложившейся в то время военно-политической обстановки.

БЫСТРОТЕЧНОЕ поражение в июне 1940 года англо-французской коалиции (Франция капитулировала через 44 дня после начала немецкого наступления на Западном фронте) явилось для советского руководства фактором стратегической внезапности, развеяло прогнозы относительно вероятности затяжной войны на Западе и резко изменило соотношение сил на европейском континенте в пользу агрессора. Под пятой вермахта вместе с Францией оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Английский экспедиционный корпус, оставив вооружение, едва успел при поддержке своего флота переправиться через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Угроза надвигавшейся войны с Германией резко возросла.

11–13 ноября 1940 года Председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов посетил Берлин, где вёл переговоры с Гитлером, Герингом и Риббентропом. С советской стороны это стало, как показали последующие события, последней попыткой в личных беседах с нацистскими лидерами как-то нормализовать положение в рамках советско-германского договора о ненападении, разузнать действительные намерения Германии, Италии и Японии. В ходе переговоров немецкая сторона предложила Советскому Союзу «присоединиться» к разделу Британской империи и двигаться на юг «в направлении Персидского залива и Аравийского моря»¹. Переговоры не ослабили растущей напряжённости в отношениях двух стран, но, по мнению

Москвы, политические возможности сдерживания германской агрессии ещё не были исчерпаны.

По итогам переговоров В.М. Молотов сообщил германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, что СССР «согласен в основном принять проект пакт четырёх держав» (СССР, Германии, Италии и Японии) «об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но при условии, «если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии», если будет заключён пакт о взаимопомощи между СССР и Болгарией и при выполнении ряда других условий, необходимых для обеспечения безопасности Советского Союза².

Однако этот документ, лично вручённый Шуленбургу, остался без ответа. Тем не ме-

«ГЕРМАНСКИЙ рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишив тем самым союзников в борьбе с истинным захватчиком»

нее в первые месяцы 1941 года с Германией всё же состоялся ряд договорённостей, а также последовали заявления, которые, казалось бы, указывали на то, что дело до войны, по крайней мере в ближайшее вре-

«ДОБЛЕСТНОЙ СМЕРТЬЮ ПОГИБАЛИ НАШИ СЛАВНЫЕ БАТАРЕИ...»

Вымыслы об августовской операции 1915 года

Аннотация. В статье исследуются подробности срыва зимнего наступления германских войск в полосе обороны русской 10-й армии в 1915 году и опровергаются сфальсифицированные немецкой стороной данные о взаимных потерях.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг.; Вторая августовская операция; русские архивы и воспоминания участников боёв; германские вымыслы.

Summary. This article studies the details of failure of the winter offensive of German troops in the defense zone of the 10th Russian Army in 1915 and contradicts data on the mutual losses falsified by the German side.

Keywords: the First World War of 1914–1918; the second August operation; Russian archives and memoirs of participants of the fighting; Germanic myths.

ОДИН из довольно значимых эпизодов Первой мировой войны получил своё оперативно-тактическое обозначение от названия населённого пункта Августов и одноимённого с ним лесного массива. В ходе проводимой германским командованием в Восточной Пруссии операции (Августовская 1915 г. или Вторая августовская, в немецкой трактовке — «Зимнее сражение в Мазурии») 10-я русская армия Северо-Западного фронта (126 тыс. штыков; 4 армейских корпуса — 11,5 пехотных дивизий) противостояла 10-й и 8-й армиям противника (до 250 тыс. человек; 8,5 корпусов — 15 пехотных дивизий). В соответствии с предварительным планом намечалось ударом по флангам 10 А окружить её и уничтожить. В результате упорных боёв (с 25 января по 13 февраля) при плохих погодных условиях и на тяжёлой в тактическом отношении местности задуманное не удалось прежде всего вследствие успешных действий русской стороны. А не позволили немцам развить успех упорство и стойкость 3-го Сибирского и 20-го армейских корпусов. Последний из них, включавший в себя четыре пехотные дивизии ослабленного состава и окружённый в августовских лесах между Августовом и Гродно девятью вражескими дивизиями, находился в авангарде армии. Он, можно сказать, поглотил энергию ударной группировки противника и ценой почти полной собственной гибели задержал наступление германцев на 10 суток. Это в свою очередь позволило вывести наши основные силы из под удара. Впоследствии 10-я и 12-я русские армии перешли в успешное контрнаступление.

Важнейшее значение этой операции заключается в том, что, несмотря на видимую тактическую неудачу, именно Россия и её союзники добились осязаемого результата — стратегический резерв Германии (21-й армейский, 40, 38 и 39-й резервные корпуса) на начало кампании 1915 года был неэффективно растрочен в тех самых августовских лесах.

Исследуемая операция — одно из наиболее удачных коалиционных сражений для

В окопах противника

Антанты, вынудившее противника осуществлять крупные переброски войск на бесперспективный для него театр военных действий и приведшее к фактической гибели обученного стратегического резерва Германии 1915 года.

Вместе с тем это сражение особенно богато фантазиями германской пропаганды о якобы взятых немцами несуществующих трофеях и «уничтожении» целой армии, в чём немцам усердно вторят многие отечественные публикаторы.

Но потери немецкой стороны и впрямь были велики. Вот как, к примеру, вспоминал об этом один из наших участников тех боёв. «Осматривавший на другой день поле сражения [у д. Махарце], — свидетельствовал он, — начальник связи 108-го полка насчитал более 300 трупов... У пленных находили много карт Франции... Один из пленных сам отдал захваченное им во Франции знамя пожарной дружины г. Аленкур на р. Эн. Знамя было очень похоже на военное, из трёхцветного шёлка, с золотой бахромой; на нём были вышиты золотом инициалы Французской республики и название дружины... На шоссе и около него валялись русские повозки... и много немецких трупов...»¹. По другим данным, в боях у Махарце части рус-

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ И ЗЕНИТНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ХОДЕ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА ЛЕТОМ 1916 ГОДА

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования противоборствующими сторонами авиации и зенитной артиллерии в ходе летнего 1916 года наступления русской армии.

Ключевые слова: Первая мировая война; Брусиловский прорыв; Юго-Западный фронт; авиационные и зенитные средства; истребитель; истребительный авиаотряд.

Summary. The article investigates the problems of using aviation and antiaircraft artillery of the warring sides during the summer offensive of the Russian army in 1916.

Keywords: the First World War; Brusilov's break; South-Western Front; aviation and air defence means; fighter; fighter squadron.

КИСХОДУ второго года Первой мировой войны (весна 1916 г.) в Ставке Верховного главнокомандования (ВГК) русской армии был рассмотрен проект наступления на участке Юго-Западного фронта (ЮЗФ). Для проведения крупномасштабной разведки будущего театра операции были привлечены до 100 разнотипных самолётов, что позволило выполнить полную рекогносцировку вражеских позиций¹.

Для выяснения дислокации неприятельских войск, как правило, использовалась фронтальная съёмка. Но всё активнее применялось фотографирование, как говорили тогда, «с облической стороны», дававшее возможность вскрывать при дешифровке аэрофотоснимков важные элементы обороны войск противника, обычно пренебрегавших маскировкой объектов со стороны своего тыла. Систематически производилось повторное фотографирование, способствовавшее поэтапному слежению за развитием системы обороны. Именно так действовала авиационная разведка 8-й армии ЮЗФ перед началом наступательной операции, когда германские позиции фотографировались по 6—8 раз. Дешифрованные аэрофотоснимки с нанесёнными линиями обороны и огневыми точками доводились до младшего офицерского состава вплоть до командиров рот и батарей включительно.

До 13 июня* 1916 года авиация фронта совершила 798 самолётовывлетов, решая различные задачи, в том числе перехват самолётов противника. Вследствие большой изношенности воздушные аппараты теряли способность летать. Позднее за время наступательной операции русской стороной их было утрачено (с учётом временно вышедших из строя и впоследствии отремонтированных) 97 единиц. Это соответствовало почти всему самолётному парку фронта перед началом наступления².

Несмотря на численное превосходство противника в живой силе (5 армий против 4 русских) и тройное превосходство в тяжёлой артиллерии, войска Юго-Западного фронта 22 мая начали наступление, в ходе которого был нанесён ряд одновременных ударов в полосе наступления фронта. Главный удар на участке шириной 20 км наносила 8-я армия в общем направлении на г. Луцк. Другие объединения и входившие в них корпуса наносили вспомогательные удары на своих участках. Всего, таким образом, определились 11 участков прорыва обороны противника: 4 армейских и 7 корпусных³.

Особое внимание обращалось на воздушную разведку и противовоздушную защиту наступающих во-

йск. По данным на 22 мая 1916 года, в составе армий фронта имелись: управления четырёх авиационных дивизионов; 18 авиаотрядов (13 корпусных — ближней разведки; 4 армейских — дальней разведки и 1 истребительный); 1-й боевой отряд Эскадры воздушных кораблей (ЭВК) «Илья Муромец» (2 аппарата: II и XIII); 6 воздухо-

**Великий князь
Александр Михайлович**

плавательных рот и 1 отдельная станция; 6 зенитных взводов (на штатной основе). Распределение авиаотрядов по армиям фронта видно из представленной таблицы.

Все штатные зенитные средства были включены в состав корпусов 11-й армии. В их задачу входило прикрытие наиболее важных объектов ближнего тыла от возможных налётов со стороны австро-венгерской авиации, превосходившей по своей численности авиацию Юго-Западного фронта. Например, в полосе действий русской 9-й армии соотношение воздушных сил составляло примерно 1 : 1,1—1,4 в пользу противника⁴, сосредоточившего основные воздушные силы на южном участке нашего фронта.

Главными задачами русской авиации в процессе подготовки и проведения прорыва являлись воздушная разведка и корректировка артиллерийского огня. Первая выполнялась посредством визуального наблюдения и фотографирования объектов: ближнего (до 16 км от линии фронта) и глубокого (до 20—45 км) тыла противника. Для этого (преимущественно для действий в глубоком тылу) чаще всего использовались самолёты типа Фарман, прикрывавшиеся двумя аппаратами истребительного типа (по опыту французского воздушного флота)⁵ «с целью взаимной поддержки в случае воздушного боя»⁶. По завершению наступательной операции это правило было распространено на все авиационные подразделения действующей армии.

Одновременно авиации ставились задачи и по бомбометанию. Но поскольку незначительная бомбовая нагрузка самолётов (до 40—45 кг) и отсут-

* Все даты приводятся по старому стилю.

БРОНИРОВАННЫЙ ТАРАН ВЕРМАХТА

Аннотация. В статье рассматривается состав танковых группировок вермахта, предназначенных для нападения на СССР 22 июня 1941 г., указывается количество и типы танков, состоявших на тот период на вооружении немецко-фашистских войск.

Ключевые слова: вермахт; группы армий «Север», «Юг», «Центр»; немецкая бронетанковая техника.

Summary. The article deals with the composition of the Wehrmacht groups of tanks intended for the attack against the USSR on June 22, 1941, shows the quantity and types of tanks, which were at that time in service with the German troops.

Keywords: Wehrmacht; Group of Armies «North», «South», «Centre»; German armored vehicles.

КОЛОННЫ немецких танков и мотопехоты, прикрываемые пикирующими бомбардировщиками Ju 87, прочно утвердились в общественном сознании послевоенных поколений как символы гитлеровского блицкрига. Стремительные прорывы немецких танковых соединений, поддержанные ударами с воздуха, решили исход всех военных кампаний вермахта в 1939—1940 гг. в Европе, а затем в СССР, где танковые клинья противника к осени 1942 года достигли Волги и предгорий Кавказа.

Следует отметить, что Германия на тот период не обладала качественным превосходством в бронетанковой технике над армиями стран Европы. Французские и британские танки не только не уступали немецким в бронезащите и вооружении, но и превосходили их, так как вермахт имел преимущественно лёгкие танки. Тем не менее благодаря удачной организационно-штатной структуре бронетанковых соединений, хорошо налаженному взаимодействию различных родов и видов вооружённых сил танковые дивизии вермахта казались непобедимыми.

Однако, готовясь к вторжению в СССР, Берлин предпринял серьёзные усилия по укомплектованию «панцердивизий» более мощной техникой, хотя выполнить намеченное в полном объёме не удалось. К июню 1941 года танковые войска Третьего рейха были более чем наполовину укомплектованы лёгкими танками и истребителями танков, на 45 проц. — средними. Тяжёлых танков не имелось совсем. И лишь несогласованность действий командования советских танковых соединений, отсутствие у них надлежащего материально-технического обеспечения позволили немецким танковым силам выйти победителями в приграничных сражениях. Кроме того, если бы советские механизированные корпуса не бросались независимо от конкретной обстановки в отчаянные атаки, а перешли к действиям из засад и укрытий, используя танки как подвижный противотанковый резерв, то немецкие танковые клинья весьма скоро потеряли бы свою остроту. К сожалению, к пониманию такой тактики советские военачальники пришли лишь много позднее.

По состоянию на 22 июня 1941 года в Германии было произведено (с учётом захваченной в Чехословакии техники): лёгких танков — 4297

(в т.ч. Pz.Kpfw. I — 1445, Pz.Kpfw. II — 1498, огнемётных Pz.Flamm II — 85, Pz.Kpfw. 35(t) — 219, Pz.Kpfw. 38(t) — 860, командирских машин на базе лёгких танков — 190); средних танков — 2752 (в т.ч. Pz.Kpfw. III — 1823, Pz.Kpfw. IV — 724, командирских танков на шасси Pz.Kpfw. III — 205); штурмовых орудий StuG III — 447, всего 7496 единиц бронетанковой техники.

На вооружении вермахта к 22 июня 1941 года имелось: лёгких танков — 3208 (в т.ч. Pz.Kpfw. I — 877, Pz.Kpfw. II — 1134, огнемётных Pz.Flamm II — 85, Pz.Kpfw. 35(t) — 189, Pz.Kpfw. 38(t) — 794 и командирских машин на базе лёгких танков — 129); средних танков — 2383 (в т.ч. Pz.Kpfw. III — 1573, Pz.Kpfw. IV — 609, командирских танков на шасси Pz.Kpfw. III — 201); штурмовых орудий StuG III — 447, 47-мм истребителей танков Pz.Jgr. I — 202 (переделаны из лёгких танков Pz.Kpfw. I в 1940—1941 гг.); 150-мм самоходных тяжёлых пехотных орудий — 50 (самоходные установки, переделанные из танков Pz.Kpfw. I — 38 единиц и изготовленные на шасси Pz.Kpfw. II — 12 единиц). В общей сложности вермахт располагал 6290 танками, штурмовыми орудиями, истребителями танков и САУ, не считая трофейной техники — польской, бельгийской и, самой многочисленной, французской: танков — 2054, в т.ч. R-35/40 — 843, H-35/38/39 — 600, FCM-36 — 50, В-1bis — 161, S-35 — 400; бронетранспортёров Lorraine37L — свыше 300 и бронированных тягачей R-UE — свыше 1200.

Из этого числа немецкие войска сосредоточили на границах СССР 3799 танков, штурмовых орудий, самоходно-артиллерийских установок и истребителей танков. Эти цифры сегодня общепризнаны, хотя учесть все до одной единицы довольно сложно. Из этого числа лёгких танков имелось 1824 (Pz.Kpfw. I — 173, Pz.Kpfw. II — 793, огнемётных Pz.Flamm II — 84, Pz.Kpfw. 35(t) — 149, Pz.Kpfw. 38(t) — 625); средних танков — 1415 (Pz.Kpfw. III — 976 (из них 264 танка с 37-мм пушками и 712 — с 50-мм) и Pz.Kpfw. IV — 439); штурмовых орудий StuG III — 252, САУ siG33 (150-мм тяжёлое пехотное орудие на шасси Pz.Kpfw. I) — 24; истребителей танков Pz.Jgr. I — 186. В этом перечислении штурмовые орудия и истребители танков отнесены к панцерваффе, хотя в июне 1941 года они орга-

низационно относились к артиллерийским частям. Трофейных танков было 98.

Ещё 188 единиц бронетанковой техники составляли командирские танки. Таким образом, общее количество танков, штурмовых орудий, самоходных артиллерийских установок и истребителей танков вермахта составляло 3987 единиц. Сателлиты Германии — Венгрия, Румыния, Словакия и Финляндия выдвинули к границам СССР 347 танков.

При этом в Карелии у границы с СССР стоял 218-й отдельный танковый батальон, оснащённый трофейными французскими танками «Hotchkiss» H-35/38/39 и «Somua» S35.

В группу армий «Север» входили 4-я танковая группа, 185-й дивизион штурмовых орудий, штаб 600-го дивизиона штурмовых орудий, 659, 660, 665, 666 и 667-я батареи штурмовых орудий. 4-я танковая группа состояла из 41-го и 56-го моторизованных корпусов. В 41-й моторизованный корпус входили 1-я и 6-я танковые дивизии, 36-я моторизованная дивизия; в 56-й моторизованный корпус — 8-я танковая дивизия, 3-я и 3-я СС «Мёртвая голова» моторизованные дивизии.

Здесь же имелся 616-й дивизион истребителей танков Pz.Jgr. I.

В группу армий «Центр» входили 2-я и 3-я танковые группы, 184, 191, 192, 201, 203 и 210-й дивизионы штурмовых орудий, 900-я моторизованная бригада, 529-й и 561-й дивизионы истребителей танков Pz. Jgr. I. 2-я танковая группа — это 24, 46 и 47-й моторизованные корпуса, 100-й отдельный огнемётный танковый батальон, 521-й и 611-й дивизионы истребителей танков Pz.Jgr. I.

24-й моторизованный корпус состоял из 3-й и 4-й танковых и 10-й моторизованной дивизии; 46-й — 10-й танковой и 2-й СС «Райх» моторизованной дивизии, а также моторизованного полка «Великая Германия».

В 47-й моторизованный корпус входили 17-я и 18-я танковые и 29-я моторизованная дивизии.

3-я танковая группа состояла из 39-го и 57-го моторизованных корпусов, 101-го отдельного огнемётного танкового батальона, 643-го дивизиона истребителей танков Pz.Jgr. I.

39-й моторизованный корпус — 7-я и 20-я танковые, 14-я и 20-я моторизованные дивизии.

Финские военнопленные о возможностях применения химического оружия

Аннотация. В статье на основе архивных источников исследуются возможности Финляндии, союзницы фашистской Германии в войне против Советского Союза, применить химическое оружие.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Финляндия; химическое оружие; финские военнопленные.

Summary. The article based on archival sources investigates the possibilities of Finland, the ally of Nazi Germany, to use chemical weapons in the war against the Soviet Union.

Keywords: Great Patriotic War; Finland; chemical weapons; finnish prisoners of war.

ВХОДЕ Великой Отечественной войны существовала острая необходимость постоянно знать о возможности применения Финляндией, поддерживавшей фашистскую Германию, химического оружия, а также о её способности отразить вероятную ответную химическую атаку. Основным источником для получения соответствующей информации являлись добываемые разведорганами сведения, в том числе и от военнопленных. Сохранившиеся протоколы допросов показывают, что нашу армейскую разведку в первую очередь интересовал организационно-технический уровень подготовленности финской армии к осуществлению или отражению химического нападения на Ленинградском и Карельском фронтах. Тексты протоколов примечательны не только содержащимися в них конкретными вопросами, которые задавались допрашиваемым, но и полученными таким образом сведениями. Они позволяют предположить, что при определённых условиях в принципе не исключалась возможность использования той и другой стороны химического оружия, точнее, боевых отравляющих веществ. Впрочем, реально такими возможностями наши войска на этом направлении не располагали.

С приближением германской и финской армий к Ленинграду опасения командования фронта, что противник для скорейшего решения своих задач может прибегнуть к использованию химического оружия, ещё больше обострились. Так, в начале августа 1941 года заместитель начальника Главного военно-химического управления Наркомата обороны¹ пол-

ковник А.С. Кубасов направил начальникам отделов химической защиты фронтов «перечень вопросов для опроса пленных в части состояния военно-химического дела»². Явно составленный наспех документ (некоторые пункты дублировались) скорее предназначался для получения информации о немецкой, а не о финской армии. 9 сентября заместитель начальника штаба генерал-майор А.С. Цветков направил в части приказ с требованием в кратчайшие сроки ликвидировать беспечное отношение к организации противохимической защиты войск³. Имелись ли серьёзные основания для этого, сказать трудно. Во всяком случае к концу сентября установить организационную структуру химической службы, например финской армии, и прояснить ситуацию с наличием у неё боеприпасов с отравляющими веществами, а также средств для постановки дымовых завес, огнемётов и т.п. не удалось.

Вместе с тем разведка на основе допросов военнопленных и наблюдений за частями противника на линии фронта полагала, что в финской армии химическая служба стояла не на высоком уровне. Об этом свидетельствовали следующие факты: финские войска на Карельском перешейке не были обеспечены противогазами в достаточном количестве, а имевшиеся не отвечали современным требованиям; средства защиты кожи числились единицами; противохимические пакеты, алигнинные тампоны, как правило, были полувысохшими и «малодейственными»; солдат «в химическом отношении» подготовили «исключительно слабо». Начальник химическо-

го отдела 23-й армии полковник Кузнецов даже на основе этих данных пришёл к выводу, что можно говорить «о бездеятельности финских офицеров в вопросах химической службы»⁴. Что касается применения дымзавес финнами, то они, как оказалось, использовали наши дымовые шашки, доставшиеся им, скорее всего, в ходе боевых действий 1939—1940 гг. против советских войск. Зажигательные снаряды применялись ими тоже эпизодически. Так, в первые три месяца этими снарядами поджигались леса в районах расположения неприятельских артиллерийских позиций, да и то без особых результатов.

Поскольку руководство Главного военно-химического управления не совсем удовлетворяла деятельность разведки Ленинградского фронта, перед ней были поставлены конкретные задачи: установление системы организации противохимической обороны (ПХО) финской армии; наличие химических подразделений; установление лиц, отвечающих за ПХО (от роты до дивизии). Кроме этого, требовалось добыть определённые средства, в том числе: конский противогаз (выпуск 1939 г.), дымшашку № 34, ручную дымовую гранату, таблицу на иприт⁵. Несколько позже в полосе действий 23-й армии (Карельский перешеек) была озвучена и агентурная химическая разведка: было выяснено количество запасов боевых химических веществ (БХВ) вместе с минами и снарядами в артиллерийских и миномётных частях противника, наличие огнемётных танков или ручных огнемётов; возможность использования финской авиационной спецсредств.

ЖУРНАЛИСТИКА В ВОЕННОЙ ШИНЕЛИ

Аннотация. Автор анализирует структуру и деятельность советской военной печати в годы Великой Отечественной войны, её роль в достижении Великой Победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; отечественная журналистика; печать действующей армии; военные газеты.

Summary. The author analyzes the structure and activities of the Soviet military press during the Great Patriotic War, its role in achievement of the victory.

Keywords: Great Patriotic War; domestic journalism; press of the acting army; military newspapers.

Отечественная журналистика с началом Великой Отечественной войны, образно говоря, надела солдатскую шинель. Можно с уверенностью утверждать: исторические знания о войне не стали бы столь обширными и убедительными без множества материалов военных корреспондентов. Они были бойцами переднего края, делили с красноармейцами невзгоды и лишения, горечь утрат и радость побед, не только запечатлели картины сражений, многочисленны факты героизма, но и заглянули в суть войны, сделали зримыми её психологические глубины. Военная печать стала коллективным летописцем грандиозных событий.

Опыт отечественной журналистики военных лет во многом напоминает неразобранную почту и нуждается в серьёзном научном обобщении. До сих пор нет добротных исследований печати действующей армии, её влияния на морально-психологическое состояние бойцов и командиров Красной армии.

В.В. Маяковский мечтал, чтобы «к штыку приравняли перо». Так и случилось в годы войны, с началом которой была проведена перестройка военной печати в соответствии с требованиями фронта и запросами личного состава.

Одной из самых популярных в стране стала газета «Красная звезда», удостоенная ордена Красного Знамени. В годы войны вышли 1200 её номеров. Выпускались 19 военных журналов, в том числе издававшиеся Главным полити-

Группа военных журналистов у Рейхстага

ческим управлением РККА «Агитатор и пропагандист Красной Армии», «Блокнот агитатора», литературно-художественный журнал «Красноармеец» и журнал «Фронтная иллюстрация». В действующей армии работали 4 фронтовых объединения Военного издательства с походными типографиями.

Осенью 1941 — в начале 1942 года начался выпуск газет «Сталинский сокол» для Военно-воздушных сил и «Красный сокол» — для личного состава авиации дальнего действия.

В соответствии с требованиями военного времени была перестроена и печать Военно-морского флота, усилены коллективы редакций газет «Красный флот», флотов и

флотилий. Издавались газеты и в крупных корабельных соединениях. Флотская газета «Красный Черноморец» в период героической обороны Севастополя поддерживала боевой дух защитников города русских моряков.

Во время войны выходили фронтовые и окружные, а также корпусные и армейские газеты. В 1942 году было 93 таких издания, начался выпуск газет в резервных армиях.

Самыми близкими для бойцов были многотиражные газеты — дивизионные, базовые и выпускавшиеся на крейсерах. Их в 1942 году насчитывалось несколько сотен; начался выпуск таких газет в учебных соединениях. Многотиражки ока-

РЕФОРМЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1860-е ГОДЫ

Альтернативные проекты и итоги

Аннотация. Статья посвящена реформе военного образования в России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: военно-учебные заведения; подготовка офицеров; кадетские корпуса; военные училища; юнкерские училища; военные гимназии.

Summary. The article is devoted to the reform of military education in Russia in the second half of the XIX century.

Keywords: Military educational institutions; training of officers; cadet corps; military schools; cadet colleges; military classical schools.

Долгая история Вооружённых сил России включает наряду со славными, героическими победами и периоды жёстких кризисов, выход из которых требовал решительных реформ и самого напряжённого труда. Одна из таких ситуаций сложилась в стране после Крымской войны 1853—1856 гг., неудачный исход которой, с одной стороны, обнарил фундаментальные недостатки в организации, комплектовании, вооружении армии, а с другой — способствовал резкому падению авторитета военных. Важнейшей составляющей частью реформ, имевших целью вывести вооружённые силы на принципиально новый уровень развития и проходивших под руководством военного министра Д.А. Милютин, стала реорганизация системы подготовки офицеров.

МИЛЮТИНСКИЕ реформы и личность самого Дмитрия Алексеевича Милютин (1816—1912) неоднократно рассматривались историками¹. О реорганизации военно-учебных заведений, естественно, писали также все авторы работ по истории военной школы в целом².

Однако большинство исследователей весьма поверхностно рассматривали подготовку реформ и практически не уделяли внимания тем проектам, которые выдвигались как альтернатива проекту Д.А. Милютин, хотя некоторые из них оказали на конечный план преобразований весьма заметное влияние.

Разработка реформы проходила в очень непростых условиях. На армию и военных обрушился настоящий шквал критики, тем более что политический климат в стране после кончины императора Николая I стал мягче и пресса чувствовала себя относительно свободной. Особенно много упреков раздавалось в адрес военно-учебных заведений по подготовке офицеров, организация обучения в которых действительно не соответствовала потребностям вооружённых сил.

Основу военной школы в то время составляли закрытые (интернатного типа) кадетские корпуса. Они принимали в свои стены преимуще-

ственно сыновей дворян и давали им как специальное военное, так и общее образование. При этом корпуса выполняли благотворительную функцию: первоочередным правом на обучение за казённый счет пользовались дети заслуженных офицеров, особенно — сироты. Однако, несмотря на то что военно-учебные заведения обходились казне довольно дорого, они могли обеспечить выпускниками лишь небольшую часть офицерского корпуса.

Чаще юноши, избравшие военную карьеру, поступали на службу в вооружённые силы в звании юнкера (дворяне) или вольноопределяющегося (представители других сословий) и получали первый офицерский чин, уже пробыв некоторое время в строю и сдав экзамен. Проблема, однако, заключалась в том, что большинство юнкеров и вольноопределяющихся приходили в армию с низкой общеобразовательной подготовкой и не имели возможности улучшить её без «отрыва от службы»³. Не всегда удавалось им получить и специальные знания. Выход многим военным виделся в создании при воинских частях особых юнкерских школ. Работа в этом направлении велась как центральными органами военного управления, так и командирами отдельных частей, но её темпы

были низкими, решение вопроса тормозилось трудностями и военно-административного и, прежде всего, финансового характера⁴.

Впрочем, выпускники кадетских корпусов также вызывали много нареканий. Их критики не без оснований полагали, что замкнутые в четырёх стенах кадеты не имели представления о реальной военной службе, не знали армейской жизни. Кроме того, сторонники реформы указывали на недопустимость ранней профессионализации воспитанников, склонности и способности которых ещё не определились, и на невозможность в полном объёме применять к малолетним детям требования воинской дисциплины.

В наиболее концентрированном виде данные идеи высказал выдающийся медик и общественный деятель Н.И. Пирогов в статье «Вопросы жизни», опубликованной в конце 1856 года журналом «Морской сборник». «Кто научил, — возмущённо спрашивал он, — кто открыл, что дети получили врождённые способности и врождённое призвание играть именно ту роль в обществе, которую родители сами назначают? Уже давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их буду-

ОЦЕНКА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Аннотация. В материале приводятся тезисы Разведывательного управления Штаба РККА, подготовленные в мае 1926 г. для доклада К.Е. Ворошилова ЦК ВКП(б) о международной обстановке и возможных угрозах СССР со стороны капиталистических государств. Авторы тезисов охарактеризовали Англию как главного врага СССР в Европе и рассмотрели состояние вооружённых сил приграничных западных государств в качестве возможных противников СССР в военное время. Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии кандидата исторических наук В.А. Арцыбашева.

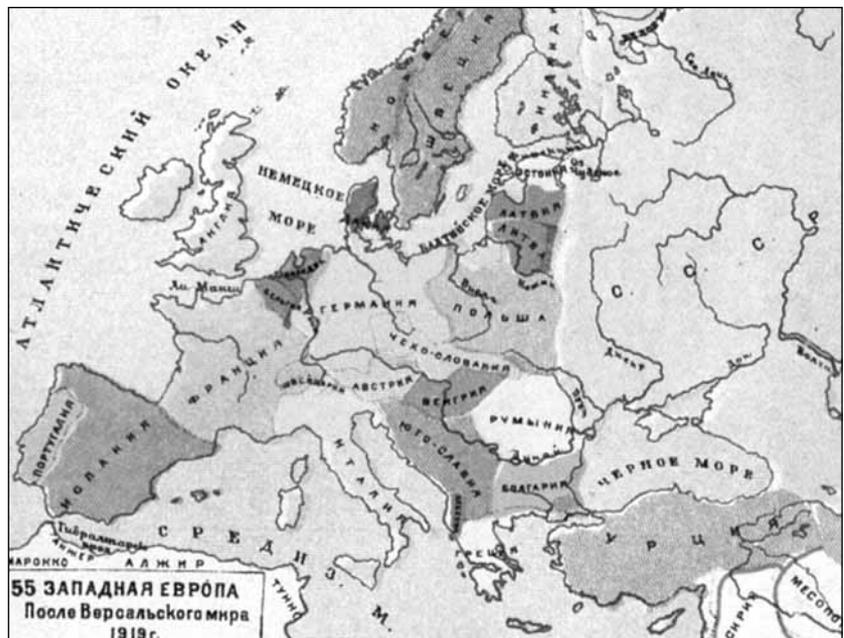
Ключевые слова: военная разведка СССР в 1920-е годы; Я.К. Берзин; капиталистическое окружение СССР.

Summary. The material contains theses of the Intelligence Administration of the Red Army's Staff, prepared in May 1926 for the report of K. Ye. Voroshilov to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the international situation and possible threats to the USSR from capitalist states. The authors of theses described Britain as the main enemy of the Soviet Union in Europe and examined the state of the armed forces of the Western frontier states as possible opponents of the USSR during wartime. Preparation to printing, introduction and commentaries are owned by Candidate of Historical Sciences V.A. Artsybashev.

Keywords: military intelligence of the Soviet Union in 1920-s; Ya. K. Berzin; the capitalist encirclement of the USSR.

Деятельность советской военной разведки после окончания Гражданской войны и военной интервенции, когда международная обстановка продолжала оставаться чрезвычайно сложной, была направлена на добывание сведений о военных силах сопредельных и других государств капиталистического мира, возможных угрозах СССР, готовящихся антисоветских акциях военного и другого характера, а также о важнейших событиях международного масштаба, в той или иной степени затрагивающих военную безопасность СССР.

БОЛЕЕ 11 лет Разведывательное управление (РУ) Штаба РККА возглавлял Ян Карлович Берзин, сумевший превратить её в одну из сильнейших спецслужб мира. При этом наиболее значительным как по составу, так и по квалификации сотрудников в 1920-е годы считался 3-й отдел, возглавлявшийся другом и соратником Берзина — А.М. Никоновым¹, где систематизировалась, обобщалась и анализировалась вся поступающая информация и давалась оценка событиям, происходящим в Европе и мире. В целях информационного обеспечения руководства страны, командования РККА, а также заинтересованных гражданских ведомств сотрудники 3-го отдела РУ Штаба РККА готовили разведывательные сводки по

Карта Западной Европы после Версальского мира 1919 г.

(Кудряшов К.В. Русский исторический атлас / с придисл. М.Н. Покровского. — М.; Л.: Госиздат, 1928)

Западу и Востоку, по иностранной военной технике, справочники о вооружённых силах капиталистических стран, брошюры по отдельным военным проблемам, бюллетени военных известий и иностранной прессы, а также другие документы, в которых освещались важнейшие внешнеполитические, военные и военнополитические события в мире, деятельность правительств и военные планы генеральных штабов капиталистических государств, представлявших военные угрозы для СССР, состояние и тенденции развития их вооружённых сил.

При этом Я.К. Берзин, сам принимая активное участие в подобной работе, являлся сторонником привлечения к обсуждаемым темам средств массовой информации и поощрял выступления своих сотрудников с публикациями в открытой печати. Материалы, подготовленные специалистами РУ Штаба РККА, нередко появлялись в газете «Красная звезда», журналах «Война и революция», «Техника и вооружение»; немалыми тиражами издавались также написанные ими брошюры и книги.

Разумеется, основная часть информационно-аналитической работы сотрудников 3-го отде-

ЗАПАДНЫЙ ПОХОД НКВД

Аннотация. В статье рассматривается деятельность советских спецслужб по ликвидации польского подполья на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, присоединённых к СССР в результате походов Красной армии в 1939–1940 гг.

Ключевые слова: Западная Белоруссия; Западная Украина; Брест-Литовск; НКВД; сферы интересов Германии и СССР.

Summary. The article reviews the activities of the Soviet secret service to eliminate the Polish underground in Western Belarus and Western Ukraine, affiliated to the USSR as a result of the campaigns of the Red Army in 1939-1940.

Keywords: Western Belarus; Western Ukraine; Brest-Litovsk; NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs); the areas of interest of Germany and USSR.

В условиях, когда в 1939 году достаточно отчётливо выявились агрессивные устремления нацистской Германии, правительства европейских стран предпринимали экстренные, а потому далеко не всегда до конца просчитанные меры по обеспечению безопасности и территориальной целостности своих государств, при этом зачастую не принимая во внимание интересы других субъектов международного права. Собственные интересы доминировали в ущерб возможной системе коллективного противостояния «коричневой чуме».

СОВЕТСКИЙ Союз не являлся исключением. Стремление как можно дальше отодвинуть начало практически неминуемой войны подтолкнуло руководство страны к принятию настойчивых предложений с немецкой стороны о заключении договора о ненападении. 23 августа 1939 года в Москву прилетел германский министр иностранных дел И. Риббентроп. После переговоров с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым в ночь на 24 августа состоялось подписание советско-германского пакта о ненападении, а также секретного дополнительного протокола к нему. Именно в этом документе определялись сферы интересов Москвы и Берлина в Восточной Европе. СССР проявил заинтересованность в Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Бессарабии (Румыния) и части территории Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан¹. Отметим, что в отличие от Германии СССР ранее не выдвигал территориальных претензий к Польше,

хотя практика распределения «сфер влияния» уже активно внедрялась в международную политику. Непосредственно же в секретном протоколе отсутствуют указания на переустройство западной и восточной границ Польши².

Следует признать, что советские спецслужбы, а следовательно, и высшее руководство СССР к моменту заключения договора с Германией не располагали достоверной информацией об уже разработанном Берлином плане «Вайс» — подготовке нападения на Польшу³.

Во всяком случае в российских архивах, включая и фонды ЦА ФСБ России, никаких документов, свидетельствующих о заблаговременной подготовке сил и средств НКВД СССР к операциям в восточных районах Польши, не обнаружено. Поэтому можно утверждать, что после подписания с Германией договора о ненападении и секретного протокола к нему операция под условным названием «Освободительный поход» в ближайшее время не предполагалась. Косвенное подтверждение тому — отсутствие встреч И.В. Сталина в своём кремлёвском кабинете с руководством НКВД СССР в период с 23 по 31 августа 1939 года. Только 1 сентября, после начала Германско-польской войны, он провёл совещания с руководством военного и чекистского ведомств⁴.

Именно в этот день и был дан старт скрытой подготовке органов и войск госбезопасности к работе на территориях, отошедших к Польше после подписания с ней мирного договора 1921 года⁵. Работа в этом направлении усилилась после 3 сентября, когда Англия и Франция объявили войну Германии, но не предприняли ни-

каких шагов по реальной помощи польскому народу.

Военная контрразведка в лице особых отделов НКВД СССР обеспечивала скрытность проводимых командованием РККА мер, в частности реализации директивы наркома обороны от 6 сентября 1939 года о проведении мобилизации («Больших учебных сборов», БУС) в семи военных округах и решении о создании Белорусского и Украинского фронтов⁶.

8 сентября нарком внутренних дел Л. Берия подписал приказ о создании пяти оперативно-чекистских групп в Киевском и Белорусском Особых военных округах. Судя по всему, этот документ для чекистов не стал неожиданностью: работа по созданию оперативных групп уже велась. Они состояли из сотрудников наркоматов внутренних дел УССР, БССР и центрального аппарата НКВД. Руководить опергруппами поручалось заместителю наркома — начальнику ГУГБ НКВД СССР В.Н. Меркулову (в Киеве) и начальнику Особого отдела НКВД СССР В.М. Бочкову⁷.

Для выполнения специальных заданий каждой группе выделялось по 300 военнослужащих пограничных войск. Задачи опергруппам определялись директивой НКВД СССР № 20177 от 15 сентября 1939 года. В целях предупреждения утечки информации директиву получили на руки лишь В.Н. Меркулов, В.М. Бочков, И.А. Серов — нарком внутренних дел Украины и Л.Ф. Цанова — его коллега в Белоруссии. Насколько засекреченным был этот документ, говорит и то, что о его содержании даже первые секретари ЦК компартий Украины и Белоруссии и командую-

ЯКУТСКАЯ МЕСТНАЯ КОМАНДА В 1918—1919 гг.

Аннотация. Статья посвящена одному из формирований армии А.В. Колчака на Северо-Востоке страны — Якутской местной команде. Автор анализирует состояние её вооружения, материальной части, дисциплины личного состава, участие в боевых действиях и превращение команды из антибольшевистской силы в орудие установления советской власти в Якутске в декабре 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России; военная сила; армия А.В. Колчака; тыловые части; офицеры и солдаты Белой армии; Якутская местная команда.

Summary. The article deals with one of the units of the army under A. V. Kolchak in the north-east of the country — the Yakutsk local unit. The author analyzes the state of its weapons, materiel, personnel's discipline, participation in hostilities and transformation of the unit from the anti-Bolshevik force into an instrument of the Soviet takeover in Yakutsk in December 1919.

Keywords: Civil War in Russia; military force; army under A. V. Kolchak; rear units; officers and soldiers of the White Army; Yakutsk local unit.

ПОСЛЕ Октябрьской революции 1917 года в Сибири началось строительство альтернативной антибольшевистской государственности и собственной армии. Органы власти в уездных, губернских и краевых центрах опирались на воинские части местных гарнизонов. О непризнании власти Советов объявила и Якутия. Регулярным воинским формированием, составлявшим основу гарнизона, там была Якутская местная команда. Она относилась к частям вспомогательного назначения, до революции входила в состав Иркутского военного округа, комплектовалась пополнением из русских крестьян, главным образом приленских (живших на берегах Лены), так как коренное местное население платило ясак¹ и было освобождено от военной службы. Функции команды определялись Уставом гарнизонной службы. В их числе были обеспечение порядка и дисциплины, караульная служба, охрана и оборона хранилищ с вооружением, другими материальными средствами и иных военных и государственных объектов.

После заключения Брестского мира (3 марта 1918 г. по старому стилю) и выхода России из Первой мировой войны Якутская местная команда была расформирована². В августе 1918 года она была воссоздана в составе вооружённых сил антибольшевистского Временного Сибирского правительства под председательством В.П. Вологодского. Команда находилась в подчинении начальника Иркутской местной бригады. Когда в ноя-

бре 1918 года к власти пришёл А.В. Колчак, Якутская команда уже была дееспособна и укомплектована личным составом.

Штат команды воссоздавался по дореволюционным нормативам. Как показывают архивные документы, он был самым большим в Иркутском военном округе, очевидно потому, что Якутия составляла значительную часть его территории. В августе 1918 года штат команды составлял 203 человека (в том числе 185 строевых): 3 офицера — один штаб-офицер (подполковник, полковник) и два обер-офицера (от прапорщика до капитана), 12 младших командиров, 170 рядовых и ефрейторов³.

В июле 1919 года, когда команда была укрупнена до батальона, в её штате насчитывались 20 офицерских должностей. В августе 1919 года батальон снова разукрупнили, вернули их прежнее число.

Количество офицеров, служивших в местной команде с августа 1918 по август 1919 года, превышало предусмотренное штатом. В октябре—ноябре 1918 года в команде было 10 офицеров: её начальник в звании подполковника, 1 поручик, 1 подпоручик и 7 прапорщиков⁴. Сверхштатные офицеры занимали унтер-офицерские должности и исполняли обязанности младших командиров. В феврале 1919 года в команде числились 12 офицеров: начальник, 1 штабс-капитан, 2 поручика, 1 подпоручик и 7 прапорщиков. Вышестоящее начальство попыталось отправить всех сверхштатных офицеров в другие места или на фронт, но якутский воинский началь-

ник на запрос Иркутской местной бригады ответил рапортом о том, что только на офицерах держатся обучение и дисциплина, поэтому их отправка из Якутска крайне нежелательна⁵. Сведения о сокращении в то время в Якутской команде числа офицеров в документах не обнаружены.

Формулярные списки⁶, датированные июнем 1919 года, когда шла реорганизация Якутского местного батальона в команду и предполагалось откомандирование сверхштатных офицеров в распоряжение штаба округа, содержат информацию о 18 офицерах (1 подполковник, 1 капитан, 2 штабс-капитана, 4 поручика, 1 подпоручик, 9 прапорщиков). Большинство из них, за исключением одного кавалериста и одного артиллериста, были пехотинцами. Средний возраст офицеров — 30 с небольшим, самому молодому было 22 года, старшему — 46. Четверо обучались в гражданских высших учебных заведениях, но не окончили их, у остальных было среднее или среднее специальное образование, в том числе неоконченное. Военным образованием обладали лишь 4 офицера, 12 окончили ускоренные курсы или школы прапорщиков, 2 получили офицерское звание за боевые заслуги. У всех офицеров был боевой опыт, приобретенный при подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае в 1900—1901 гг., на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн. 8 офицеров получили в боях ранения и травмы (огнестрельные, контузии, отравление газами), при этом всех медицинская комис-

«ОПАСАЮСЬ, ЧТО МЕНЯ, КАК БЫВШЕГО ЦАРСКОГО ОФИЦЕРА, БУДУТ СЧИТАТЬ “ПРИМАЗАВШИМСЯ” К ПАРТИИ...»

Партийность бывших офицеров Генерального штаба

Аннотация. В статье проанализирована партийность бывших офицеров Генерального штаба, оказавшихся на службе в Красной армии.

Ключевые слова: Генеральный штаб; военные специалисты; большевики; партийность.

Summary. The article analyzes the party affiliation of former officers of the General Staff, who found themselves to serve in the Red Army.

Keywords: General Staff; military specialists; Bolsheviks; party affiliation.

Установившаяся в Советской России вскоре после прихода к власти большевиков однопартийная диктатура стала новым и необычным явлением для общества того времени. В Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)*) к марту 1919 года состояло около 350 тыс. членов. По тем временам это была большая сила. К марту 1921-го большевиков было уже свыше 732 тыс. человек. Партийцы периода Гражданской войны отличались высоким революционным духом, искренней верой в собственную правоту и решительностью в воплощении своих взглядов на практике. Тем не менее членство в партии было тогда явлением достаточно редким, а в условиях Гражданской войны ещё и чреватым самыми тяжёлыми последствиями. Например, при попадании в плен к белым большевиков ждала смертная казнь. Такая же участь могла постигнуть членов других партий в плену у красных.

Однако возможность приблизиться к власти, получить какие-то преимущества и своеобразный иммунитет от репрессий закономерно привлекала в ряды большевистской партии множество карьеристов и ловцов конъюнктуры. Членство в партии постепенно становилось важным элементом социальной мобильности¹. Неудивительно, что к большевикам тогда примкнули даже отдельные представители достаточно далёкой от их идеалов старой военной элиты в лице бывших офицеров Генерального штаба. Этот интересный сюжет до сих пор специально не исследовался.

НОРМОЙ для русского офицерства всегда была преданность императору и монархической идее. Политической жизни для офицеров до 1917 года фактически не существовало. Партийность в офицерской среде была явлением абсолютно недопустимым, хотя и тогда существовали отдельные лица, которые тайно состояли в партиях, нося при этом офицерские погоны. Однако Февральская револю-

* С декабря 1925 по октябрь 1952 года — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) ВКП(б).

ция 1917-го открыла офицерским массам дорогу к партийности. Многих демократически настроенных офицеров привлекала партия социалистов-революционеров, хотя среди офицеров-генштабистов её приверженцами оказались лишь единицы. Известно, что эсерами были подполковник Ф.Е. Махин (с 1939 г. — член компартии Югославии), полковник А.А. Ткаченко (член партии правых эсеров), в партии левых эсеров состоял полковник А.А. Веселаго и

штабс-капитан М.И. Василенко².

С открытием в конце 1916 года ускоренных курсов Николаевской академии Генерального штаба состав Генерального штаба существенно преобразился, в частности, в него проникли и некоторые младшие офицеры, придерживавшиеся вполне определённых политических взглядов. Так, не случайно именно среди них мы встречаем большевика со стажем до октября 1917 года штабс-ротмистра А.И. Геккера (в партии с сентября того же года)³, сделавшего в период Гражданской войны головокружительную карьеру в рядах РККА. Отмечу, что Геккер был командующим несколькими советскими армиями, превзойдя в этом отношении своих сверстников. Разумеется, значительное влияние на карьерный рост этого военспеца оказало его членство в партии. В своей автобиографии Геккер указал, что работал вместе с армейскими большевиками уже с февраля 1917 года⁴.

Ещё одним старым большевиком-генштабистом был полковник М.С. Свечников. Впрочем, его в партийной среде не любили и считали карьеристом (в годы Гражданской войны дослужился до должности командующего фронтом).

В 1918 году в партию большевиков вступили слуша-

«МОЛНИЕНОСНЫЙ ПЕРУН СЕВЕРА»

Истоки историографии полководческой деятельности

М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года

Аннотация. Автор анализирует начало становления историографии полководческой деятельности М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года по основным работам, опубликованным во втором десятилетии XIX века.

Ключевые слова: М.И. Кутузов; Отечественная война 1812 года; историография XIX века.

Summary. The author analyzes the beginning of the formation of the historiography of commanding activities of M.I. Kutuzov during the Patriotic War of 1812 according to the major works published during the second decade of the XIX century.

Keywords: M.I. Kutuzov; Patriotic War of 1812; historiography of the XIX century.

С ПРИБЛИЖЕНИЕМ 200-летия Отечественной войны 1812 года растёт внимание к её событиям и действующим лицам, в том числе к личности М.И. Кутузова. На протяжении без малого двух веков как наша наука, так и всё общество высоко оценивают полководческий талант фельдмаршала. Его ратные заслуги помнят и чтут в современной России. В ходе опросов, проведённых Фондом «Общественное мнение» в рамках проекта телеканала «Россия» под названием «Имя России» в 2008 году, наши сограждане ответили М.И. Кутузову девятое место среди многих выдающихся личностей всех времён, оставивших наиболее значительный след в истории нашего Отечества¹.

Ни один отечественный исследователь наполеоновской эпохи не обошёл вниманием полководческую деятельность М.И. Кутузова. С течением времени её оценки в нашей исторической науке неоднократно менялись. Это придаёт актуальность историографическому анализу литературы по данной теме в интересах объективного рассмотрения личности фельдмаршала.

Зарождение и первый этап развития досоветской историографии полководческой деятельности М.И. Кутузова связаны с публицистическими откликами на военно-политическую обстановку того времени в Европе. Вышло много книг и брошюр, главной целью которых было вызвать антипатию и ненависть к Наполеону². Печать отражала официальную концепцию причин противостояния России и Франции, согласно которой ответственность за создание кризисной военно-политической

обстановки возлагалась исключительно на французского императора³.

Отечественная война 1812 года способствовала резкой активизации издания пропагандистской литературы. Наиболее оперативно на события реагировала периодическая печать⁴. Продолжался и начавшийся ещё в довоенное время выпуск публицистических брошюр. Только в Москве и Петербурге в 1812 году их вышло около полусотни, а всего в 1812—1815 гг. было выпущено более 150 таких изданий⁵. Патриотический настрой русского общества определял особенности жанров политической сатиры⁶ и обращений к согражданам⁷. Эти и многие другие публикации противопоставляли М.И. Кутузова «антихристу» Наполеону. Желая подчеркнуть масштабность и значимость заслуг русского полководца, некоторые публицисты утверждали, что в случае победы Наполеона Европа превратилась бы в пустыню или в «жилище кровопивцев»⁸.

Противопоставление фельдмаршала французскому императору-агрессору стало отличительной чертой историографии, отражавшей полководческую деятельность М.И. Кутузова. Первые биографы под впечатлением победы россиян над Наполеоном возвеличили его как спасителя Отечества. Абсолютное большинство таких публикаций не носило научного характера, основывалось не на фактах, а на личных впечатлениях авторов и эмоциональном восприятии событий. Историк А.И. Михайловский-Данилевский не считал такой «недостаток хладнокровия» серьёзным изъяном публицисти-

М.И. Кутузов
Художник Н. Яш, 1883 г.

ки того времени, так как «ни родно русскому сохранять равнодушные, видя пламенеющую Москву и бедствия Отечества»⁹.

В первых изданиях, отражавших полководческую деятельность М.И. Кутузова, представлена официальная точка зрения на события. В связи с этим справедливо замечание А.В. Предтеченского о том, что цензурные ограничения накладывали отпечаток на публикации военных и послевоенных лет. Поэтому представленные в них точки зрения не могли быть полностью объективными¹⁰.

После Отечественной войны 1812 года историки по-прежнему акцентировали внимание на полководческой деятельности М.И. Кутузова, оценке его места и роли в отражении наполеоновского нашествия. Первые посвящённые ему научно-исторические рабо-

ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

НА ЗАСЕДАНИИ редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала» подведены итоги работы редакции за 2008—2010 гг. и обсуждены основные тематические направления её работы в ближайшем будущем. С отчётным докладом о проделанной работе выступил главный редактор «Военно-исторического журнала» полковник запаса И.М. Чачух. Он отметил, что, несмотря на череду организационно-штатных мероприятий (сокращение штата редакции, исключение из него офицерских должностей), редакция сумела обеспечить ритмичный выпуск журнала. За всё это время не было зарегистрировано ни одной задержки в подготовке издания к печати, тиражи поступали подписчикам строго по графику. Журнал сохранил свой «ВАКовский» статус. В силу определённых причин добиться этого было непросто. Достаточно сказать, что из 1494 российских изданий, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в редакции 2008 года, сразу полностью выполнили условия Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки лишь 1174 изданий. В том числе и «Военно-исторический журнал».

В 2010 году редакция зарегистрировала два домена в Интернет-зоне РФ — домены «ВИЖ» и «Военно-исторический журнал», первый из которых активирован и со временем будет наполняться нашей информацией. В настоящее время журнал представлен на двух сайтах: www.mil.ru (Министерство обороны РФ) и www.elibrary.ru (Научная электронная библиотека).

Завершается создание электронного библиографического указателя статей, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 1959—2010 гг. В прицеле на будущее — создание электронных PDF-версий всех опубликованных в «ВИЖе» статей.

Помимо основного журнала редакция старается изыскивать возможности для подготовки специальных выпусков. В рассматриваемый период увидели свет 2 спецвыпуска: первый, посвящённый 300-летию сражения при Лесной, и второй, совместный с журналом «Старый цейхгауз», посвящённый 300-летию Полтавского сражения. Последний примечателен тем, что удалось привлечь к сотрудничеству шведских учёных-историков.

К числу достижений можно отнести результаты нашего участия в конкур-

се Министерства обороны на лучшие материалы, опубликованные в журналах Министерства обороны Российской Федерации и газете «Красная Звезда». В 2008 году третья премия за серию статей была присуждена члену редакционного совета журнала кандидату исторических наук полковнику С.Н. Ковалёву (Санкт-Петербург). В 2009 году вторую премию за статьи «Суэцкий кризис 1956 года: истоки, сущность, уроки» и «Корейские уроки для военной коалиции» получил генерал-майор С.Л. Петуров (Москва). А в 2010 году нашему дальневосточному автору полковнику запаса В.М. Петренко (г. Хабаровск) за статьи «Советские войска Дальнего Востока в 1945—1953 гг.» и «Развитие русских сухопутных сил на Дальнем Востоке (конец 40-х — середина 80-х годов XIX века)» была присуждена первая премия.

Кроме подготовки и выпуска журнала редакция продолжает вести широкую общественную работу военно-патриотической направленности. В качестве информационных спонсоров мы участвуем в различных общественно-политических акциях, таких как международная акция «Мы — Наследники Победы!», Международная молодёжная экспедиция в честь 65-летия окончания Второй мировой войны и др., а также регулярно принимаем участие в различных выставках, в частности, являемся постоянными участниками Международной выставки военного антиквариата и предметов коллекционирования «Традиция», которая ежегодно проходит в Манеже.

Всего за период с 2008 по 2010 годы на страницах журнала увидели свет 537 научных статей, 23 популярные статьи, 23 новых, ранее не публиковавшихся, документа, 20 мемуаров, 49 рецензий на новые книги по военно-исторической тематике, 103 информационных сообщения. Итого за три года в журнале опубликованы 603 различные статьи и публикации, а также 152 информационных материала под рубриками «Книжная полка военного историка», «Памятные даты», «Научные сообщения и информация». Также за этот период увидели свет 170 цветных иллюстративных подборок.

В минувшем году, году 65-летия Победы, как, впрочем, и в предыдущие годы, большое внимание было уделено проблематике Великой Отечественной войны. Этой теме были посвящены 47 статей. Кроме того, особое внимание было обращено на подготовку к публикации материалов в следующих рубриках: «Из истории

военно-политических отношений» — 33 статьи, «Военное строительство» — 30, «Воинское обучение и воспитание» — 27, «История войн» — 26, «Армия и общество» и «Военная летопись Отечества» — по 22, «Из истории вооружения и техники» — 21, «Локальные войны и вооружённые конфликты XX—XXI вв.» и «Точки зрения. Суждения. Версии» — по 20 статей.

Все эти годы в целях пропаганды военно-исторических знаний и формирования позитивного общественного мнения по основному проблематическому вопросу строительства и защиты Отечества среди молодёжи продолжался выпуск «Молодёжного военно-исторического журнала», в котором мы старались публиковать материалы, которые могут быть интересными для молодёжной аудитории.

В 2008—2010 гг., в продолжение предыдущей работы редакции, мы старались расширять географию наших авторов, привлекать исследователей военной истории из регионов России. По-прежнему по количеству опубликованных материалов лидируют москвичи. Однако в последнее время наметилась отрадная тенденция. Второе место по количеству публикаций стали занимать наши авторы из регионов России. Третье место перешло Санкт-Петербургу. Всего за 3 последних года в журнале были опубликованы статьи 713 авторов. 345 (49 проц.) из них из Москвы. Ещё 45 (6 проц.) из Московской области: г. Балашиха (3 авторских материала), п. Белозерский, г. Долгопрудный (2), г. Домодедово, г. Коломна (3), г. Краснознаменск (3), г. Купавна, п. Мононо (11), г. Мытищи, г. Ногинск, г. Одинцово, с. Петровское, г. Подольск (2), г. Серпухов, г. Химки (6), г. Щёлково, г. Электросталь, г. Юбилейный (4). Региональные авторы представляли Архангельск, Астрахань (8), Барнаул (4), Белгород, Благовещенск (Амурская обл.), с. Боташюрт (Дагестан), Брянск, Великие Луки (2), Великий Новгород (2), Владивосток (6), Владикавказ (Северная Осетия — 2), Владимир, Волгоград (5), г. Вольск (Саратовская обл.), Воронеж, г. Гатчина (Ленинградская обл. — 2), г. Дзержинск (Нижегородская обл. — 3), Екатеринбург (4), г. Елец (Липецкая обл.), Златоуст (Челябинская обл. — 2), Йошкар-Ола (Марий Эл), Казань (Татарстан — 3), Калининград (9), Калуга, Киров (3), п. Колпна (Орловская обл. — 4), Краснодар (5), г. Кунгур (Пермский край), Курск (15), Курган, г. Лермонтов (Ставропольский край), Липецк, Махачкала (Дагестан — 5), п. Мирный (Архангельская обл. — 2), Мурманск (2), Наль-

МОЛОДЁЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

• ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ •

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья представляет собой воспоминания сына генерал-майора И. М. Шепетова, командовавшего 96-й горнострелковой дивизией, дислоцированной на румынской границе; о первых часах и днях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Северная Буковина; Черновцы; Винницкая стрелковая дивизия; генерал И. М. Шепетов.

Summary. The article represents the memoirs of the son of Major-General I. M. Shepetov, the commander of the 96th Mountain Rifle Division, deployed at the Romanian border, about the first hours and days of the Great Patriotic War.

Keywords: Northern Bukovina; Chernovtsy; Vinnytsa Rifle Division; General I. M. Shepetov.

Память часто возвращает меня к началу войны, к событиям, которые врезались в сердце на всю жизнь. У тех дней — особый счёт и положение, их не забыть, они будут стоять перед глазами до последнего часа. Страшный облик войны навеки наложил отпечаток на наши души гулом бомбардировщиков, грохотом бомб и снарядов, дымом пожарищ, бесконечными вереницами беженцев на пыльных дорогах.

ВОЙНА для меня, тринадцатилетнего подростка, началась в Северной Буковине, в г. Черновцы¹ (Украина), в 30 км от румынской границы. Мой отец полковник Иван Михайлович Шепетов² был командиром 96-й горнострелковой дивизии³. Во второй половине июня мама попала в больницу, и отец всю предвоенную неделю вынужден был всюду возить меня с собой. Мне, мальчишке, эти поездки чрезвычайно нравились: очень хороши были летом Карпатские горы и долины. Интересно было также наблюдать, как бойцы строят укрепления.

В субботу 21 июня мы с отцом ездили на границу в район Красноильска. На дороге, ведущей в Румынию, за полосатыми шлагбаумами я впервые увидел в бинокль немца. В серо-зелёной форме с коротким автоматом на груди он стоял рядом с румынским пограничником. Судя по отделённым репликам, эта картина не понравилась ни отцу, ни окружавшим его командирам. Лица у всех как бы померкли, стали озабоченными. Правда, на обратном пути отец повеселел, мы заехали в больницу проведать маму, передали ей баночку клубники. Отец обещал, что обязательно приедет завтра и пробудет с ней подольше: в конце концов должен же быть у него хоть один выходной в месяц. Увы, выходного не получилось. Ночью сквозь сон я услышал настойчивый телефонный звонок, тревожные вопросы отца, его торопливые шаги по лестнице. Затем послышались отдалённый гул самолётов и звуки,

похожие на взрывы. «Опять учения», — промелькнула в голове дремотная мысль. В шесть утра меня разбудил адъютант отца лейтенант Николай Резниченко. «Вставай, Юрка, война!» — сказал он. Тревожный холодок охватил сердце.

Утро выдалось солнечным и безветренным. Через 15 минут мы уже были в штабе дивизии. Здесь царил атмосфера напряжённого ожидания. Звонили телефоны. Из отрывочных фраз я понял, что отдельные части отцовской дивизии совместно с пограничниками ведут бой с противником, рвущимся через государственную границу. И сразу вспомнился вчерашний немец с автоматом.

Около восьми часов к штабу подъехала машина командира 17-го стрелкового корпуса генерал-майора И. В. Галанина⁴. Иван

И. М. Шепетов
1926 г.

И. М. Шепетов
Лето 1941 г.

КАПИТАН «ПОЛКОВНИЧЬЕГО РАНГА» А.Н. ЧЕРТКОВ

Аннотация. Статья повествует о судьбе одного из первых воспитанников Навигацкой школы А.Н. Черткова, с 1711 года обучавшемся в Голландии и Англии, а впоследствии участвовавшем в некоторых военных кампаниях первой половины XVIII в.

Ключевые слова: Навигацкая школа; Пётр I; морские сражения под Данцигом в 1734 г.; штурм Азова в 1736 г.; крепость Св. Анны.

Summary. The article tells about the fortune of one of the first students of the Naval School A.N. Chertkov, who studying from 1711 in Holland and England and subsequently participated in several military campaigns of the first half of XVIII century.

Keywords: Naval School; Peter I; sea battle at Danzig in 1734; storm of Azov in 1736; fortress named after St. Anne.

ВСОЗДАВАВШЕЙСЯ Петром I в начале XVIII века сети светских школ особая роль отводилась техническим специальным учебным заведениям, самой известной из которых была Навигацкая школа, первая в России школа «математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению...». Она была открыта по царскому указу от 14 января* 1701 года.

В Навигацкую школу принимали сыновей «дворянских, дьячьих, подъяческих, из домов боярских и других чинов кто пожелает, из недорослей же лет от 12 до 17», хотя впоследствии принимались даже и 20-летние. В школе учились дети почти всех знатных фамилий России: Волконские, Солнцева-Заякины, Лопухины, Шаховские, Урусовы, Долгорукие. Однако «дворяне страшно тяготились цифирной повинностью, как бесполезным бременем, и всячески старались от неё укрыться». Кроме того, «именно море возбуждало наибольшее отвращение в русском дворянине», отмечал В.О. Ключевский. Посланный за границу обучаться навигацким наукам «плакался оттуда своим», «прося назначить его хотя бы последним рядовым солдатом или в какую-нибудь «науку сухопутскую», только не в навигацкую¹. Но Пётр I был неумолим и внимательно следил за равномерным распределением между армией и флотом шляхетства (дворянства). Борясь со строптивостью дворян, в систематически повторяющихся указах государь ужесточал меры взыскания за утайку дворянских детей².

Навигацкая школа являлась лучшей. Здесь изучали арифметику, геометрию, геодезию, навигацию, морскую астрономию. В число предметов входили живопись и «рапирное дело». Эта школа стала очагом новой культуры в Москве. Помимо новых знаний, нелегко усваиваемых, воспитанники школы обретали иное мировоззрение, становясь первыми интеллигентами устремлённой к постижению западной цивилизации России.

Главный надзор за Навигацкой школой осуществлял граф Ф.М. Апраксин, впоследствии генерал-адмирал. Срок пребывания в школе не был жёстко установлен и зависел от успехов учеников, число которых постоянно возрастало (в 1711 г. — уже 500 человек). С открытием в 1715 году Морской акаде-

мии в Петербурге, куда из Москвы были переведены все ученики и учителя (кроме Л.Ф. Магницкого), Навигацкая школа превратилась в рядовую цифирную школу, в которую шли учиться по преимуществу дети разночинцев. В 1752 году её закрыли.

Среди первых воспитанников Навигацкой школы был Алексей Никитич Чертков (1692—1737). Он стал её учеником в 1702 году, когда ему исполнилось только 10 лет. Мальчика воспитывала мать А.И. Черткова, урождённая Кушникова (1667—1745), поскольку отец Н.Ф. Чертков, «гвардии Преображенского полка каптенармус», умер, вероятно, вскоре после 1698 года (его имя упомянуто в «Ведомости и списке Преображенскому полку начальным людям и урядникам» этого года)³.

В 1711 году Чертков обучался географии, а поскольку за его отцом числился всего один крестьянский двор, то он получал от казны порядочное жалованье — «кормовые деньги»: по 3 алтына 2 деньги в день. Это была самая высокая «стипендия», установленная для обучавшихся в высших классах: «круглой навигации и в географии». К примеру, при поступлении в школу в арифметическом классе получали по 1 алтыну в день. Те, кто имел более 5 крестьянских дворов, содержались за собственный счёт. Таковых по ведомости от 22 ноября 1711 года насчитывалось всего 18 знатных особ из 524 учеников⁴.

ВОСПИТАННИКОВ Навигацкой школы, окончивших курс, отправляли туда, где требовались грамотные специалисты, а наиболее способных и знатных из них — постигать науку за границу как навигаторов. В 1711 году Чертков в числе лучших выпускников был послан в Голландию и Англию для усовершенствования в науках. В конце того же года в Амстердам съехалось более 50 навигаторов, и комиссар князь И. Львов, поставленный для надзора за ними, отыскал владельца частной морской школы и убедил его заниматься с русскими юношами, поскольку в тот год на военные корабли волонтеров брали мало. Зачастую навигаторы жили весело и шумно, тратили много денег, а присылать их из России оказалось тогда затруднительно. Львов от шалостей навигаторов приходил в отчаяние. Особенно в Англии молодые дворяне очень быстро «научались больше пить и деньги тратить», о чём доносил русский посланник в Лондоне граф Литта⁵. «Иные, не

* Все даты в статье даны по старому стилю.